

Ванечка

Сейчас бы мою улицу назвали Тополиной, а тогда, ещё пустынную, необжитую, назвали Автозаводской. Много ли живут деревья? По-разному. На этой улице сотни три тополей. Они, все до единого молчаливые бессребреники, вслушиваются денно и ночью в гигантский мир, в его постук и взвесь, в его перегорающую суету.

Деревья начали сажать в конце войны – весной сорок пятого. Сажали с тем энтузиазмом, с той благочестивой надеждой, что присуща лишь народу, едино устремлённому к миру и любви. Народу - победителю!..

Пленные немцы строили двух - трёхэтажные дома с четырёхскатными крышами, украшая фасады административных зданий строгими колоннами, карнизами и каменными парапетами. А жилые домики – балкончиками с ажурными перилами. Худородное пацанье выменивало у этих побитых фрицев картошку на перочинные ножи, наградные кресты и зажигалки. А хлеба-то и самим не хватало: давали по карточкам.

День ото дня раскаты войны уносились в багровую зарю. А тополя росли, прямили улицу провинциального города, на которую выюркивали, тарахтя, трёхтонные ЗИСы, гружённые свежей сосновой доской. Военные шофёры с начищенными медалями и орденами, дерзновенные и весёлые, возили стройматериалы в новый растущий посёлок. Он нужен был строящемуся автозаводу, с конвейера которого вскоре начнут сходить знаменитые на весь мир УАЗы, ульяновские неприхотливые автомобили - вездеходы.

Тополя тянули в лазурь молодые ветви. Пытались заглянуть вдаль, разглядеть Волгу, её быстрое течение, по которому сплавляли лес от берегов Камы до Сталинграда. Плоты спешили разбитой вереницей к разрушенному городу-герою. И тополя на моей улице торопились вырасти. Будто знали – скоро построят Куйбышевскую плотину, и Волга раздвинет берега, зальёт поймы, спрячет под собой ерики и острова, рыбацкие станы и деревеньки. Отразит в своём плавном просторе вселенский купол небес.

Под этими небесами рос наособицу большой раскидистый тополь. Он стоял не на главной улице, как все, а во дворе. Он помнил всё, что происходило вокруг, как, впрочем, и другие деревья на планете. Но я многое знаю из того, что было в его тополиной памяти. Его жёсткие округлые листья, просквожённые весной и летом солнечными лучами - волокнами, будто гигантский мозг, насыщались мировым звучанием. Подчиняясь тайным законам мироздания, они очищали природу: воздух и дух человеческий, землю и воду, мирозвучье и помыслы. Очищали от копоти повседневной суеты. От душевного остуда. Мы живём вместе с деревьями в общем мире, но они имеют больше права на жизнь, потому что первыми заселили планету. Если мы не понимаем их молчания, значит, мы не совершенны.

Этот тополь можно было назвать патриархом, хотя он был не стар для тополиного века. Что я знаю из его памяти? Его посадили в мае сорок пятого. Красивая русская

женщина заприметила крепкий саженец, припала грудью, прижалась вымоченной слезами щекой:

– Будет память о моём Ванечке. Поить буду моего милого водичкой. Рассказывать ему обо всём. Пусть только слушает меня. Пусть живёт здесь мой Ванечка...

И рос, рос Ванечка - тополь. Рядом со скамеечкой, такой же, на которой до войны тёплыми летними ночами обнимался парень со своей любимой. И знал каждый вздох, каждое слово, каждый поцелуй... Помнил каждым листочком, каждой веточкой. Помнил, потому что красивая женщина подолгу сидела рядом с ним на скамейке, и они разговаривали безмолвно обо всём. Чаще о нём, о Ванечке, реже о ней, о её нелёгкой жизни. Так и жили – дерево и человек, благодарные друг другу за понимание, за теплоту, за любовь. А что ещё нужно одинокой душе?! И целый мир вокруг жил. Могучий тополь всех понимал, всех выслушивал и шумел-шумел крепкой листвой. Иногда христарадничал: просил людей лишь об одном – о сострадании.

Хотя двор, где рос тополь, и невелик, да жизни хватает. За полвека-то повидалось много. Он, Ванечка, теперь возвышался над новыми крышами, над антеннами и трубами. Над фонарными столбами. Над миром. Луна путалась в его ветвях, круглая и бледная. Но Ванечка долго её не держал. Отпускал к звёздам. Луна взблескивала и серебрила его крону, жалуясь на одиночество: «Звёзды мне не пара...» Тополь шептал тёмной листвой в ответ: «Эх, вековуха, вековуха...»

Однажды двор наполнился молчаливым людом, торжественным безмолвием, угрюмством. Красивую женщину вынесли в красном гробу, который поставили под тополем. Она не видела, как огромное дерево вздрогнуло разлапистым телом и застыло, сторбленное и обвисшее. Она не почувствовала мягкого тополиного пуха, безмолвно наполняющего её новую обитель. Ванечка прощался с любимой и не мог попрощаться. Застывший, он глядел в небо на юрких стрижей, не понимая их беззаботности, их радостных, живых движений. Лишь когда ночная наволочь скрыла созвездья, тополь вздохнул - охнул и зашумел, застонал, отдавая миру всю накопленную боль...

Осенью, иззябший, он ронял в утреннюю стужу позолоченные листья – плату за летнюю влагу и тепло. Уж мало кто помнил его историю. И помнил ли кто-то вообще? Улица обветшала, прежняя свежесть и молодость стаяли. Но тополь хранил в своей памяти и первую жизнь – жизнь Ванечки. Она проста, как и вторая. Родился в одна тысяча девятьсот двадцать первом в деревне на Волге, каких по всей России тысячи. Перед войной приехал в город. Работал на заводе. Женился на красавице - девушке. На городской. Живи - радуйся! Но в сорок первом, страшной осенью, ушёл на фронт в сапёрную роту. Воевал, как воевали все – за Родину, за Сталина, за Мать родную, за Любимую. Взрывал мосты, освобождал от вражеских мин станции и города, наводил понтоны. Дороги войны вели от Сталинграда через Украину до Румынии и Венгрии. Рек повидал немало: Днепр и Днестр, Тиссу и Серед. Но друзьям - однополчанам говаривал:

– Эх, на Волгу - матушку поскорее бы вернуться! Река - душа... Красотища... Мать божья.

Не пришлось. У судьбы свои дороги. Погиб перед самой Победой. Пришла похоронка, разорвала сердце, вычернила душу... За что, Господи?!

...Не тянутся теперь тополя на моей улице к небесным берегам. Живут – стареют. Высокие дома смело расширили город. Упрятали горизонт. Новая техника тарахтит и мчится по тополиной улице. Жизнь и должна двигаться вперед. Двигаться, сохраняя память, насыщаясь богатством прожитого. Богопристойного. Мудрого. Вечного. Что изначально вложено Творцом в живое существо. В человека. В дерево... Сколько живут тополя? Говорят, сто лет. Целый век. Вот какая вторая жизнь должна была быть у Ванечки. Да не вышло. Весна ещё не развернулась, не разлила терпкое благоухание ожившей зелени. Ещё утренняя наледь удерживала холод зимы. Ещё хрупкие сосули пугали прохожих, а деревья уже готовились к весёлому многозвучью неба. И Ванечка оживал, вливался во всеобщий хор. Но однажды в него вклевчилась пила, взвыла натужно, вогнала железные зубья в самую сердцевину. Приговорил Ванечку не Вседержитель небесный, не пророк и не гений, признанные отечеством и миром, а эдакий битюг, советчик страждущих христорборников подзаборных: дворник, имя которого и упоминать не возьмусь.

– Не молод уж я, братишки, собирать листья да ветвя. От этого-то дурня грузовик мусора набирается. А пользы-то на грош, – сказал он. Коротко и ясно. А молодым мужичкам долго ли завалить дерево, если интерес горячий предлагается. Дружно взялись – взревела бензопила, вгрызлась в самое изножье. В глазах – ничтожная одержимость хлебом насущным. Сказано – сделано...

Надсадно заскрипел ствол, задрожал, вытянулись ветви, вскрикнул Ванечка и рухнул перед толпой зевак. Рухнул посреди двора. Посреди города. Посреди планеты. Раскинул ветви - руки, как Гарсия Лорка. Глянул в позолоченную лазурь. Христом дрогнул на незримом распятии. Ещё живой, трепетал ветвями, отдавая тепло земле. Поверженный, лежал три дня, ещё чувствуя жизнь, сохраняя память Ванечки, память войны, память Мира...

Затем его распилили на чурбаки. Рассыпалось пространство любви... Судьба? Дороги судьбы неведомы человеческому разуму. Они пересекаются где-то, сплетаются воедино. Разрывая чужую дорогу, слабнет весь скрут судеб, идущих с тобой рядом. Даже если это деревья. Ведь деревья думают о нас. Да спасёт нас Господь от бессмыслицы! Пусть дороги судьбы прямятся тополями, прямятся добродетелью. Любовью. Лишь бы не пересекались наши дороги с дорогами войны. Пусть спят спокойно наши Ванечки. Пусть будет земля им пухом...

Илья Таранов

2019 год